
ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Т. Б. Радбиль

ЯЗЫК И МИР
ПАРАДОКСЫ
ВЗАИМООТРАЖЕНИЯ

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2017

УДК 81-114.2
ББК 81.0
Р 15

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. отделом культуры русской речи
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН *А. Д. Шмелев*

д-р филол. наук, в н. с.

Института языкознания РАН *М. Л. Ковинова*

Радбиль Т. Б.

Р 15

Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 978-5-94457-293-6

В книге обсуждается широкий диапазон лингвофилософских проблем взаимоотношения мира, человека и языка, которое объективировано в процессах речевой деятельности, в дискурсивных процессах, в порожденных личностью текстах. Книга обобщает результаты почти тридцатилетних исследований автора в четырех областях, объединенных общностью методологического подхода на основе научной идеологии лингвистического антропоцентризма: проблема языковой концептуализации мира; логический анализ естественного языка; теория языковой аномальности; прагматика художественного слова и «лингвистика креатива». Исходным теоретическим принципом, который объединяет все разнообразные исследования, собранные в этой книге, является идея *изоморфности* фундаментального устройства мира, человеческого сознания и естественного языка.

Для широкого круга лингвистов, литературоведов, культурологов, философов и других специалистов в разных областях гуманитарного знания, а также для всех, кто интересуется «вечными вопросами» природы и сущности языка в контексте современной постструктуралистской парадигмы языкознания.

Wide scope of linguophilosophical problems of interrelations between the world, the man and the language which is objectified speech activity, in discursive processes, in generated by a person texts are discussed in this book. The work summarizes results of the author's almost thirty-year studies in four spheres united by community of methodological approach on basis of scientific ideology of linguistic anthropocentrism: the problem of language conceptualization of the world; logic analysis of natural language; the theory of language anomaly; pragmatics of belles-lettres word and "linguistics of creativeness". The initial theoretical principle which consolidates all the various studies collected in the book is an idea of *isomorphism* of fundamental structure of the world, human conscience and natural language.

The book is addressed to wide circle of linguists, philologists, culture experts, philosophers and other humanitarians as well as to those who are interested in "eternal questions" of nature and essence of the language in context of current post-structuralistic paradigm of linguistics.

УДК 81-114.2
ББК 81.0

*В оформлении переплета использована картина В. Кандинского
«Маленькие миры 4»*

ISBN 978-5-94457-293-6

© Т. Б. Радбиль, 2017

© Издательский Дом ЯСК, 2017

© Языки славянской культуры, 2017

*Посвящается моей маме,
Татьяне Ивановне Радбиль*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	11
ВВЕДЕНИЕ	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА И «ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ»	19
<i>Языковой менталитет и языковая картина мира</i>	23
I. О концепции изучения русского языкового менталитета	23
II. ИмPLICITная культурно-значимая информация в естественном языке	33
III. «Ум» vs. «разум» в национальной концептосфере: опыт «лингвистической археологии»	45
IV. О термине и понятии «идеологема»	55
V. Функционирование общественно-политической лексики в языковой картине мира личности	68
<i>Лексика и грамматика в языковой концептуализации мира</i>	76
I. О национально-специфичных моделях концептуализации ситуации в русском языке: глаголы «стоять», «сидеть», «лежать» в контекстах бытийного употребления	76
II. Вопрос о «скрытых категориях» в контексте современной постструктуральной парадигмы лингвистического знания	86
<i>Система ценностей в языковой концептуализации мира</i>	99
I. Особенности языковой экспликации аксиосферы в русском национальном менталитете	99
II. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления: к проблеме репрезентативных контекстов. . . .	108
<i>Речевое поведение в языковой концептуализации мира</i>	118
I. О некоторых русских отрицательных конструкциях в национально-специфичных речевых стратегиях	118

II. Импликатуры дискурса в национально-обусловленных моделях фатической коммуникации в русской разговорной речи	126
<i>Прецедентные феномены в языковой концептуализации мира . . . . .</i>	133
I. Прецедентные тексты в языковой картине мира	133
II. Прецедентные тексты: «язык культуры» в речевом взаимодействии . .	143
<i>Русский язык начала XXI века в свете проблемы языковой концептуализации мира . . . . .</i>	154
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА.	167
<i>Аномальное выражение количественных отношений в языке Андрея Платонова . . . . .</i>	170
<i>Концепт ИГРЫ в аномальном художественном дискурсе . . . . .</i>	176
<i>Природа количественного sub specie языковой аномальности . . . . .</i>	183
<i>Язык как среда порождения аномальных «возможных миров» . . . . .</i>	194
<i>«Онтологизация негации» как аномалия языковой картины мира . . . . .</i>	205
<i>«Аномалии говорящего» и «аномалии адресата» в поле диалогического взаимодействия . . . . .</i>	217
<i>Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст» . . . . .</i>	227
<i>Переводимость как феномен межъязыкового взаимодействия . . . . .</i>	235
<i>Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом . . . . .</i>	245
<i>Человеческий фактор в естественной языковой концептуализации числа . . . . .</i>	256
<i>Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re . . . . .</i>	264
<i>«Тело» vs. «вещь» в конструкциях с предлогом ОТ (к проблеме концептуальных различий в естественном языке) . . . . .</i>	274
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ АНОМАЛЬНОСТИ	283
<i>Норма и аномалия в художественном тексте . . . . .</i>	286
I. Норма и аномальность в парадигме «реальность — текст»	286
II. Языковая аномалия как норма художественного дискурса	296
III. Норма как аномалия	306
<i>Художественное слово в рамках теории языковой аномальности . . . . .</i>	314
<i>Вопрос о возможных классификациях языковых аномалий . . . . .</i>	322
I. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии	322
II. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи .	344
III. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира	366

<i>Аномалии текста</i>	391
I. Аномалии текста vs. аномальный текст	391
II. Аномалии дискурса как проявление языковой девиантности	395
III. «Образ автора» и проблема нарративных аномалий.	404
IV. Модус и диктум в аномальной языковой концептуализации мира	410
<i>Вопросы освоения языковых аномалий в речевой практике</i> <i>современного общества</i>	416
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛИНГВОПОЭТИКА И НАРРАТОЛОГИЯ	423
<i>Теория нарратива и прагматика художественного текста</i>	426
I. Постулат о невозможности бессмысленного текста в свете лингвистики креатива	426
II. К вопросу о постулатах «правильного» текста	435
<i>Интертекст в художественном повествовании</i>	440
I. «Чевенгур» А. Платонова: идеологемы христианства и коммунизма в поле интертекстуального взаимодействия	440
II. Достоевский и Платонов (Идеологемы Старого и Нового времени)	449
<i>Проблемы языка и стиля Андрея Платонова</i>	458
I. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке»)	458
II. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова	475
III. Мир природы в «мифологии языка» Андрея Платонова	488
IV. «Поэтика смерти» в художественной речи Андрея Платонова	492
V. «Парадоксы неконвенциональности» и язык Андрея Платонова	503
VI. «Квазиполифоническое повествование» Андрея Платонова как новая форма свободного косвенного дискурса	521
<i>Лингвистическая прагматика и проблема понимания текста</i> <i>(об одном рассказе Виктора Пелевина)</i>	527
<i>«Речь от второго лица»: образ адресата в лирике Иосифа Бродского</i>	537
<i>«Арзамасская галиматья» в свете теории языковой аномальности</i>	545
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	557
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	560
Источники	560
Научная, учебно-методическая и справочная литература	561
Словари	573
Электронные ресурсы	574

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	575
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	000
<i>Summary</i>	000

От автора

Эта книга обобщает результаты почти тридцатилетних исследований автора в той неуловимой и трудно объяснимой области, которую можно условно именовать «философия естественного языка». Проблема «язык и мир» — возможно, одна из самых главных антропологических проблем в истории человечества. Она, подобно воронке, втягивает в себя большинство остальных, частных проблем структурного устройства физической вселенной, познающего ее человеческого сознания, проблем цивилизации и культуры. Широко известны многочисленные философские, теологические, логические, психологические, исторические, естественнонаучные подходы к разрешению данной проблемы. Вполне оправдан также и очередной лингвистический подход.

Для меня вполне естественно объединяются в целостный «научный организм» четыре ведущие темы данной книги: (1) проблема языковой концептуализации мира; (2) логический анализ естественного языка; (3) теория языковой аномальности; (4) «лингвистика креатива». Ведь все это — проявления единой энергетической, говоря словами В. фон Гумбольдта, сущности. В соответствии с названными темами строится композиция книги, которая включает в себя четыре части.

Главная методологическая установка, которой руководствовался автор этой книги, сформулирована еще Л. Витгенштейном: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно; о чем нельзя говорить, о том следует молчать». Автор считает, что естественный язык, при условии ясности и точности мысли, далеко не исчерпал свои возможности служить языком описания по отношению к самому себе как объекту этого описания. Излишняя увлеченность формализацией метаязыка, созданием искусственных конструктов представляется автору главным грехом современной лингвистики, противным самой природе нашего языка.

Наконец, хочется назвать людей — учителей, коллег, друзей — без которых ни этой, ни вообще каких-либо других книг автора просто не могло бы быть: это Н. М. Азарова, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Вежибицкая, В. П. Григорьев, Д. О. Добровольский, Анна А. Зализняк, Е. А. Земская, Л. В. Зубова, О. С. Иссерс, Ю. Н. Караулов, М. Л. Ковшова, Н. А. Кожевникова, В. В. Колесов, Е. В. Красильникова, М. А. Кронгауз, С. А. Крылов, Г. И. Кустова, О. Меерсон,

Н. Б. Мечковская, М. Ю. Михеев, Т. М. Николаева, В. А. Николина, Б. Ю. Норман, Е. В. Падучева, З. Ю. Петрова, В. И. Постовалова, О. Г. Ревзина, Е. Н. Ремчукова, В. П. Руднев, Ю.С. Степанов, И. А. Стернин, В. Н. Телия, Е. В. Урысон, Б. А. Успенский, Н. А. Фатеева, М. Ю. Федосюк, В. В. Фещенко, Л. О. Чернейко, Л. Л. Шестакова, А. Д. Шмелев, К. Э. Штайн, Т. Е. Янко.

Я желаю всем счастья!

ВВЕДЕНИЕ

Язык настолько глубоко пустил корни в личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь, что мы никогда не можем удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением — тем семенем, из которого они выросли.

Л. Ельмслев

Проблема взаимоотношения языка и мира имеет почтенную исследовательскую традицию, насчитывающую не одно тысячелетие религиозных, философских, научных, публицистических поисков, которые начались задолго до того, как человечество научилось составлять библиографические списки. Смелость автора этой книги с таким претенциозным названием может извинить только одно простое обстоятельство: все, что люди ни говорили бы и ни писали бы **на** языке, все, что другие люди ни говорили бы и ни писали бы **о** языке, — словом, вся совокупность говоримого **о** и **на** языке, начиная с короткой реплики в бытовом диалоге и заканчивая 20-томным толковым словарем, имеет несомненное отношение к проблеме «язык и мир».

«Мир», конечно, не сам по себе. «Мир», каким бы он ни был *per se*, — глазами человека. Если человек включается в эпистемическую перспективу в роли ее субъекта, источника информационного освоения мира — тогда должен быть постулирован и третий член — язык, орган концептуализации мира, или, по словам В. фон Гумбольдта, «орган, образующий мысль». Эта сложная диалектика языка, сознания и мира была осознана еще В. фон Гумбольдтом:

Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка <...>. Но человек чувствует и знает, что язык для него — только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью. Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие [Гумбольдт 1985: 378].

Первое исходное теоретическое положение, которое объединяет все разнообразные исследования, собранные в этой книге, — это идея *изоморфности* фундаментального устройства мира, человеческого сознания и естественного языка, которая была приуготовлена всем развитием «лингвоцентрированной» философии и философски ориентированной лингвистики на протяжении XX в. Эта изоморфность не означает обусловленности жестко детерминированного типа (я не берусь отвечать на «вечный» вопрос, что из чего произошло), — это, скорее, «контингентность»¹, как она понимается в современной западной аналитической философии сознания [Чалмерс 2015]: если мы поймем, как работает высокодетализированная система **A**, в каком-то интуитивно ясном плане скоррелированная с системами **B** и **C**, мы получим свидетельство о принципах работы **B** и **C** — независимо от «объективной», физической или нефизической, природы **A**, **B** и **C**. При этом у **A**, **B** и **C** — разная природа, но очевидное структурное сходство. **A** — в моем допущении — это естественный язык. В свое время Эмиль Бенвенист принципиально констатировал: «Язык *вос-производит* действительность. Это следует понимать вполне буквально: действительность производится заново при посредстве языка» [Бенвенист 1974: 27].

В качестве второго базового теоретического положения, которое на самом деле есть лишь обратная сторона первого, выступает представление об антропоцентризме естественного языка: «Новые акценты и стратегии, свойственные современным лингвистическим теориям, можно коротко определить как “поворот к человеку” (что имеет своим результатом восстановление связи языка не только с человеком, но и с миром)» [Кустова 2004: 10]. Итак, научная идеология лингвистического антропоцентризма исходит из того простого факта, что природа, сущность и основные свойства языка обусловлены особенностями физического и психического устройства человека, и в соответствии с этим язык должен изучаться.

Но не будем забывать, что с самого появления на земле человек был не только существом социальным, мыслящим и говорящим — он был существом *национальным*: человек всегда ощущал принадлежность к племени, к роду, к семье как нечто сущностно важное для человеческого типа бытия в мире. В сущности, человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык. Потому что вместе с языком он усваивает некую коллективную и обязательную для всех систему норм и ценностных ориентиров своего народа. Язык, по сути, и есть его духовная

¹ Контингентные отношения — это отношения внекаузальной, необусловленной соположенности, или корреляции, между разноприродными объектами, например, между природой и физикой как наукой о природе, между закатом и живописным изображением заката и под.; при этом такие отношения нельзя назвать и произвольными, случайными, потому что одно все-таки как-то объясняется, понимается через другое. Такое объяснение будет нередуктивным (физика не выводит генетически или эволюционно из природы, не сводится к ней) и функционалистским (логика природы соотнесена с логикой физики, интерпретируется посредством физики, какой бы эта физика ни была).

культура. Его, если хотите, национальная идентичность. Поэтому лингвистический антропоцентризм неизбежно имплементирует этно- и культуроцентризм. О естественной связи антропоцентризма и этноцентризма пишет и Е.В. Падучева в предисловии к русскому изданию работ А. Вежбицкой:

Значение антропоцентрично, т. е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т. е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать «мир как он есть»: язык изначально задает своим носителям определенную картину мира, причем каждый данный язык — свою (цит. по [Вежбицкая 1996: 5]).

Единство мира, человека и языка столь же естественным образом объективируется в процессах речевой деятельности, в дискурсивных процессах, в порожденных личностью текстах. «Текст выступает как феноменологически заданный первичный способ существования языка» [Шмидт 1978: 105]. Добавим, вслед за Ю. М. Лотманом, что текст также выступает и как феноменологически заданный первичный способ существования культуры. В каком-то смысле способность человека творить тексты — это и есть культура, культура как человеческий способ адаптироваться к среде, воздействуя на нее. Текст в широком, общесемиотическом смысле слова — это своего рода механизм по превращению природной среды в среду культурную. Механизм по преобразованию естественной энтропии в информацию. Механизм по производству смыслов из хаоса мироздания.

Таким образом, в предлагаемой вниманию читателя книге формируются четыре сквозные и взаимообусловленные линии исследования.

В первой части «Проблемы языковой концептуализации мира и “языка культуры”» обсуждаются проблемы языковой ментальности, языковой картины мира и национально-культурной обусловленности языка этноса. Предоставим слово Анне Вежбицкой: «Сама природа естественного языка такова, что он не отличает экстралингвистической реальности от психологической и от социального мира носителей языка» [Wierzbicka 1991: 16]. В соответствии с этим в первой части книги освещаются общие вопросы языковой объективации культурно-значимой информации, а также специфика ее языкового представления на всех постулируемых автором в книге [Радбиль 2013] «уровнях» (слоях, стратах) языкового менталитета: это уровень непосредственно системы языка, уровень знания о мире, уровень системы ценностей и уровень речеповеденческий. В заключительной главе первой части отдельно рассматривается вопрос о том, в какой мере активные процессы в новейшей речевой практике носителей русского языка конца XX — начала XXI вв. соответствуют национально-обусловленным способам языковой концептуализации мира.

Во второй части «Логический анализ естественного языка» представлены многолетние изыскания автора в рамках деятельности проблемной группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН. Как справедливо указывает Н. Д. Арутюнова:

Связь языкознания с логикой является изначальной. Сам термин «логика», введенный *стоиками* (в отличие от них Аристотель применял к законам мышления термин «аналитика»), обозначал словесное выражение мысли (*λόγος*). Основным для большинства греческих мыслителей являлся принцип «доверия языку» в его обнаружении разума и доверия разуму в его познании физического мира. Предполагалось, что, подобно тому как имя выражает сущность обозначаемого им предмета (тезис реалистов в их споре с номиналистами), структура речи отражает структуру мысли [Арутюнова 1990б: 273].

Материал, собранный во второй части, призван показать богатство и разнообразие тем и проблем, присущих современному, постструктуралистскому, неклассическому этапу логического анализа языка, который смело включает в зону исследовательского внимания широкий диапазон «запрещенных» традицией логического направления в языкознании вопросов, связанных с учетом «человеческого фактора» в языке, с изучением интенций и мотивационно-прагматических установок говорящего и специфики перцепции адресата, с исследованием характера порождения и восприятия дискурсивных процессов, с описанием этнокультурной специфики «взгляда на мир» в естественном языке и пр.

В третьей части «Теория языковой аномальности» освещены разные аспекты предлагаемой автором этой книги концепции преодоления, «снятия» языковой аномальности разных типов в интенциональных контекстах, прежде всего — в художественном тексте. При этом языковые аномалии трактуются достаточно широко — в их состав включаются аномалии прагматические, нарративные, дискурсивные и т. п. Работы, собранные в третьей части книги, подчинены единой исследовательской стратегии — описанию взаимообратимости нормы и аномалии при переходе от модуса «реальность» к модусу «текст». На этом фоне обосновывается релевантная типология языковых аномалий применительно к специфике художественного слова и шире — любого неконвенционального, креативного использования языка (например, в рекламе, в медийном дискурсе, в политическом дискурсе, в обыденном употреблении). В завершающей главе рассматривается крайне интересная и дискуссионная проблема освоения языковых аномалий в речевой практике современного общества.

В четвертой части «Лингвопоэтика и нарратология» рассматриваются общие вопросы современной теории нарратива и прагматики художественного текста, связанные с природой художественности, на основе воспринятого в современной парадигме гуманитарного знания представления о тексте как о коммуникативном событии, как об особом типе речевой ситуации — «неканонической», «редуцированной» [Падучева 1996]. В этой связи несколько по-новому звучат ставшие уже традиционными вопросы о типах и функциях интертекста. Понимание текста как особого «механизма» по порождению смыслов позволило автору сформулировать постулат о невозможности бессмысленного текста. Материал этой части вполне созвучен с идеями и принципами «лингвистики креатива» — крайне интересного и перспективного научного направления, которое успешно

формируется сегодня буквально на наших глазах. Кроме общетеоретических проблем, в четвертой части книги содержатся исследования, посвященные языку и стилю конкретных писателей и поэтов (Андрей Платонов, Иосиф Бродский, Виктор Пелевин и др.).

Все эти четыре тематических блока объединяются одной сверхидеей, которая исключительно близка автору этой книги. Речь идет об упомянутом выше принципе «доверия языку». Этот принцип очень прост. Он означает, что в языке все имеет смысл. Просто этот смысл часто не самоочевиден. Он прячется от нас. Его нужно открывать, напряженно искать, порою извлекать из информационного хаоса.

Отсюда важные следствия. Все, что может быть сказано на естественном языке, — правильно. Даже если кажется неправильным. Все осмысленно. Даже если кажется двусмысленным или вообще бессмысленным. Все значит именно то, что значит. Все высказано именно таким образом, каким должно было бы быть высказано.

Если какое-либо высказывание естественного языка не соответствует или даже противоречит законам формальной логики, то, быть может, это не язык как орудие специфически человеческого типа освоения действительности «плохо устроен». Это наша логика в чем-то ущербна. Это наша логика «не дотягивает» до адекватной интерпретации естественноречевого высказывания. Ведь логика, как и другие инструменты нашего познания, придумана людьми. Почему же мы считаем, что логикой нужно верить естественный язык, а не наоборот?

Мы путаем невозможность интерпретации с принципиальной множественностью интерпретаций. Всегда найдется какой-либо невероятный «возможный мир», в котором самая абсурдная, причудливая и несвязная словесная заумь получит смысл, т. е. в определенных условиях, в заданных модальных рамках будет осмыслена и надлежащим образом понята воспринимающим сознанием.

Слово, в сущности, всегда обретает свой денотат. Эту своего рода «магию слова» еще А. Ф. Лосев в свое время называл «семантической активностью знака». На этом основана сама возможность моделирования небывалого, создания вымышленных реальностей в процессе словесного творчества. И, напротив, на этом же основана невозможность абсолютно бессмысленного высказывания на естественном языке в среде опыта взаимодействия человеческого разума с внеположной ему действительностью.

«Языковая реальность» — это реальность квантовой физики, а не ньютоновской механики, реальность геометрии Лобачевского, а не Евклида. Из универсальной полноты языка вытекает его противоречивость, согласно теореме К. Геделя (разумеется, считать язык дедуктивной системой можно лишь с большой долей условности). Поэтому язык с трудом поддается непротиворечивому описанию. Мы можем лишь попытаться установить некоторые основные референционные точки соотнесения языка и мира в поле человеческой когниции. В этом автор этой книги и видит свою задачу.